



Рубб Александр Арапович

Я БЫЛ ПОХОРОНЕН

Я, Рубб Александр Арапович, тогда жил на Большой Садовой – это около площади Маяковского. Первое сообщение о бомбежке немцами Минска и других городов я не слышал. Оно прозвучало в 6 часов утра, а вот более позднее сообщение и выступление Молотова я прослушал, стоя у репродуктора на кухне (жили мы тогда, как большинство москвичей, в коммуналке), крася зубным порошком парусиновые туфли, собираясь провести с однокурсниками выходной день. Я тогда учился на 3-м курсе Московского городского театрального училища (МГТУ) и еще был актером переменного состава театра Революции (был в Москве такой театр.) Конечно, никто из нас не ожидал, что может начаться война с Германией. Тем более, что у Советского Союза был договор с ней. Но она началась на рассвете в воскресенье 22 июня 1941 года. Первая мысль – что же теперь будет? Ну, конечно, я сразу побежал в училище, которое находилось на улице Герцена, около Никитских ворот. Несмотря на ранний час, маленький зал училища был битком набит студентами и преподавателями. Правда, студентов в училище на всех четырех курсах было всего около 60 человек. Уж больно большой был конкурс, мест было мало. Отсев был громадный. Кстати, вплоть до 3-го курса могли за профнепригодность отчислить. На первый курс вместе со мной было зачислено 20 человек, а осталось на 3-м курсе всего 11. У нас тогда преподавателей было больше, чем студентов.

Стихийно возник митинг. Мы, мальчишки, конечно, хотели идти на фронт. Я даже начал составлять списки добровольцев, чтобы отнести его в Краснопресненский райком комсомола. (Я тогда был секретарем комсомольской организации училища.) Но вскоре, где-то в конце июня, нас всех, мальчишек и девчонок, отправили строить оборонительные укрепления. Привезли нас куда-то под Жиздру, копать противотанковые рвы. Честно признаться, мы тогда не очень понимали всей серьезности произошедшего. Мы были молоды, веселы, беспечны. Мы были уверены, что война вот-вот должна закончиться. Ведь это мы пели: «Наш бронепоезд стоит на запасном пути», «Нам чужой земли не надо, но и своей не отдадим ни пяди». Увы! Действительность оказалась гораздо суровее.

Ночью с 22-го на 23 июля мы сначала услышали, а потом увидели, как небо над нами (мы тогда еще были под Жиздрой) почернело от летящих в сторону Москвы самолетов. Через какое-то время самолеты появились опять. Но теперь они как-то беспорядочно, сбрасывая где попало бомбы, большей частью одиночками проносились над нами в сторону границы. Так мы стали свидетелями первой бомбежки немцами Москвы.

В середине, а может быть, в конце сентября, когда немцы вплотную приблизились к Москве, нас вернули в училище. Но к этому времени приказом по Управлению культуры Мосгорисполкома оно было закрыто. И все же мы добились, что приказ этот был отменен. Все оставшиеся в Москве преподаватели отказались получать зарплату, а все студенты стали исполнять самые разные технические должности. Училище, оставшееся единственным театральным заведением в Москве, объявило набор новых студентов. Надо сказать, если бы не вмешательство в судьбу училища известного полярника, одного из первых Героев Советского Союза Ивана Дмитриевича Папанина, вряд ли приказ о закрытии училища был бы отменен.

Вообще же о нашем легендарном театральном училище – единственном в первые два года войны действующим театром в Москве – можно рассказывать много и долго. Но не о нем же наш разговор, а о войне.

Осень 41-го выдалась очень холодной. Немцы бомбили Москву теперь уже каждый день, практически как по расписанию, с присущей им аккуратностью, в одно и то же время. Как правило, многие москвичи во время воздушных тревог спускались в метро, которое в эти часы и ночью превращалось в бомбоубежище. Помню, как-то один раз, когда я все-таки спустился на станцию Маяковская (вообще-то мы дежурили по ночам на крыше театра, гася и сбрасывая с нее зажигалки), меня поразило спокойствие москвичей. По бокам платформы справа и слева стояли метросоставы, куда размещали спустившихся вниз больных, стариков и женщин с детьми. Все остальные проходили в глубь туннелей, в

которых пространство между рельсами и с их боков было закрыто деревянными щитами. Вот на этих-то щитах, кроме лежащих между рельсами, по которым можно было ходить, и располагались люди до конца бомбежки.

К началу октября, когда немцы стояли уже под Москвой, воздушная тревога объявлялась по несколько раз за день. И надо сказать, что до первых дней октября никакого намека на панику среди москвичей не было. Да, мы знали, что большинство заводов к этому времени было эвакуировано в Сибирь, что некоторые правительственные учреждения и наркоматы переехали в Куйбышев, что из города эвакуируют детей и стариков. Но при всем этом, хоть и воспринималось оно с огромной болью, теплилась какая-то надежда, что вот-вот все изменится. Но вот в 10-х числах октября по Москве разнесся слух, что не сегодня-завтра в город войдут немцы, что многие начальники, спасая свои шкуры, бегут из Москвы, что город будет снесен с лица земли и т.д. и т.п. Иначе, мол, не объявляли бы Москву на осадном положении

А 16 октября началась в городе паника. Было ранее утро, когда я вышел на улицу. Вся площадь была усеяна обрывками каких-то бумаг, огромных пустых коробок из-под папирос, которые ветер гнал по мостовой. Двери магазина на углу были раскрыты настежь, обнажая зияющие пустотой полки. Только почему-то в рыбном отделе полки снизу доверху были уставлены консервами «Крабы».

Напротив театра Революции, во дворе которого было наше училище, находился Хлынов переулок. Там в одном из домов располагался призывной пункт. Я, живя уже один, никого не предупредив из близких, встал в очередь, и через час-полтора уже был зачислен добровольцем. Тут же я отпросился на несколько минут в училище, чтобы отдать кому-нибудь печать комитета комсомола. А уже вечером мы все, записавшиеся и призванные, протопали строем на Казанский вокзал. А потом мне было сказано, что меня зачислили курсантом Подольского военно-пехотного училища. Таким образом, моя военная карьера началась 16 октября 1941 года. Через несколько дней в составе училища мы были уже на передовой.

Конец октября был очень морозным. Шинели и фуражки не очень-то спасали от холода. Рядом с нами оборону держали курсанты Подольского артиллерийского училища и курсанты училища Верховного Совета. Но почему-то в последнее время, говоря об обороне Москвы, о нем не упоминают. Правда, может быть, я что-то путаю. Но тогда мы считали так. Как говорится, мы цеплялись за каждый клочочек земли. Много курсантов погибло. Вскоре после Ноябрьских праздников, в одну из редких минут относительного затишья (я тогда был пулеметчиком, первым номером), меня кто-то со словами: «А ну подвинься» – толкает в бок. Поглядел – вижу

человека в теплом полушубке. Так «сталинских юнкеров» (так называли нас в своих листовках немцы) сменили сибиряки.

Нас же, оставшихся в живых, отвели в город Иваново, где в помещении Ивановского химико-технологического института и разместилось училище. Нас немного подучили и к Новому году присвоили звание «лейтенант» или, как мы тогда говорили, «повесили по два кубаря». После выпуска меня и еще двух моих товарищей оставили в училище командирами взводов. После того как прошел выпуск наших подопечных, нашу просьбу об отправке на фронт удовлетворили, и мы все сначала попали в резерв в городе Владимире, где в это время формировался 25 танковый корпус. Там мы все трое были назначены в 175 танковую бригаду сначала замком ротами, а потом командирами рот мотострелкового батальона. С этой бригадой я дошел до Орловско-Курской дуги. В бой мы вступили сразу после сражения под Прохоровкой. Никогда не забуду этой страшной картины – сотни, если не тысячи сгоревших танков и обгоревших трупов. Вступили мы в бой в Волховском районе Орловской области, но не очень удачно: немцы нас остановили. Я получил приказ отправиться во главе взвода разведки на трех тридцать четверках провести так называемую «разведку боем», а попросту совершить бросок в сторону немецкой передовой у деревни Дворики и вызвать огонь на себя, чтобы засечь огневые точки немцев. Что мы поближе к ночи и сделали, правда потеряв одну машину. На рассвете, а рассветало тогда очень рано, ночи-то были очень короткими, возвращаясь обратно и пересекая передний край немцев, я вдруг увидел, что по очень глубокой канаве, тянущейся от меня справа, во главе с одним из командиров взводов в сторону передовой немцев перебегает моя рота. Не замечая, что по такой же глубокой канаве, но с другой стороны дороги, навстречу им, как видно, обнаружив моих, перебегают несколько немцев, которые стремятся как можно быстрее добраться до мостика, чтобы, нырнув под него, оказаться в тылу моих ребят и запросто расстрелять всю роту. Не раздумывая о последствиях (это потом, уже в госпитале, я сообразил, что не имел права прыгать, а должен был доложить о результатах разведки сам; но меня утешило, что планшет с пометками я оставил старшине), я спрыгнул с машины, чтобы спасти роту, прикрыв ее отход через овсяное поле, к лесу. Рота почти вся перебралась, а вот за мной началась охота. Правда, я довольно прилично стрелял, и мне удалось избавиться от них. Но и для меня это тоже не прошло даром – под конец поединка с немцами две разрывные пули в лопатки я получил. К счастью, сознания я не потерял и сумел заползти в воронку от снаряда или бомбы. Сейчас я уже точно не помню. Вот так незамеченным я оказался на передовой у немцев. Все это произошло 17 июля. А на рассвете 18 июля, попав под свои же «катюши», я услышал: «Вперед!» С соответствующими дальше словами.

Вскоре над воронкой показалась голова нашего солдата, который, после краткого обмена отнюдь не литературными словами, помог мне выкарабкаться из воронки. Он побежал дальше, а я заковылял в другую сторону и вскоре оказался у минометчиков, которые помогли мне добраться до медсанбата, на пороге которого, как мне потом сказали, я потерял сознание. Очнулся я на операционном столе. Черт возьми, как устроен человек? До сих пор помню, что лежал я на животе и что, обхватив мою голову, одна из сидящих около меня сестричек все время приговаривала: «Ты же десантник. Ты кричать не будешь!» Мне она показалась тогда такой красивой, а может быть именно такой она и была, что слезы лились градом, но я старался изо всех сил, чтобы не закричать. Резали-то, вынимая осколки пули, по живому. Потом полгода госпитали. Получив 2-ю группу и став инвалидом Отечественной войны, я вернулся в Москву. Так завершилась моя военная карьера. В 1945 году я закончил театральное училище, из которого ушел на войну. Работал актером. Потом закончил в 1952 году режиссерский факультет ГИТИСа. Собственно театру я отдал уже более 60 лет. Теперь я профессор, заслуженный деятель искусств Российской Федерации.

Мне остается добавить: лет двадцать или двадцать пять тому назад меня нашли красные следопыты села Вязового Волховского района Орловской области, где я, по имеющимся у них сведениям, похоронен и где по этому поводу до сих пор стоит даже памятник.

Декабрь 2002 года.



В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Белоусов Федор Анатольевич**, студент 3-го курса Московского авиационного института.